

Урина Зыдникова

Мёном
ТВОИХ ТАИН
"НАВОЖДЕНИЕ ДЛЯ РЕКТОРА"

18+

Ирина Злыдникова

Шепот твоих тайн.

"Навождение для ректора"

<https://litres.ru/74069169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ксандра — целительница с запретным даром. Дочь агента Империи и верховного оракула, она с детства привыкла скрывать свою истинную природу. Но когда на лесной дороге принц Дэмион получает смертельное ранение, выбора не остаётся. Она проводит древний ритуал «Союз кровей» — их магии сплетаются в одну, их судьбы переплетаются навсегда.

Он выжил. И забыл.

Дэмион Тариана — младший принц Антарии, ректор академии Тэйрон и заместитель императора в тайном ведомстве А-1 — предлагает ей сделку: стать его фавориткой. Взамен — защита от травли и место в академии. Ксандра соглашается. У неё нет другого выбора.

Но с каждой ночью в его постели тайна становится всё тяжелее. Она помнит всё, что было в лесу. Его слова. Его стоны. Его кровь на её руках. И молчит — потому что правда расколется его разум.

А где-то во тьме тёмный маг Адриан, и враги империи открыли на неё охоту. Им нужна сила Ксандры. И единственный, кто может

её защитить, — мужчина, который не помнит, что однажды уже отдал за неё жизнь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Кровь и пепел	8
Глава 2. Лесная засада	17
Глава 3. Академия Тэйрон	31
Глава 4. Сделка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирина Злыдникова

Шепот твоих тайн.

"Навождение для ректора"

Пролог

Западные земли Империи Антария. Монастырь аракулов в Изумрудной долине. Восемнадцать лет назад.

Закат в горах полыхал кроваво-красным. Дурной знак для того, кто вырос на поле боя, — но Орана давно перестала верить в знаки. За годы службы Империи Антария она усвоила главный закон: судьбы нет. Есть приказ. И есть те, кто его выполняет.

Приказ был оскорбительно прост. Соблазнить верховного оракула. Зачать. Родить. Исчезнуть.

Она прибыла в монастырь под видом паломницы: скромное платье, опущенные глаза, тихий голос. Никто не заподозрил в ней агента Империи. Никто, кроме него.

Он заметил её в первый же день. Высокий, с сединой в тёмных волосах и пронзительными зелёными глазами — такими глубокими, что в них, казалось, отражалась вся древняя магия их рода. Он смотрел иначе, чем другие монахи. Не

с похотью — с пониманием. Словно знал, зачем она здесь. Будто ждал.

Через неделю она пришла к нему в келью. Подготовленная речь, отточенные движения, притворная робость — всё пошло прахом, когда он заговорил первым.

— Ты не служанка, — сказал он, глядя в окно на закат, окрасивший Изумрудную долину в багряные тона. — Я вижу. Твоя аура — не как у других. Ты воин.

Орана замерла. За восемнадцать лет она не попадалась ни разу.

— Я просто женщина, — ответила ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Ты лжёшь. — Он повернулся, и в его глазах она увидела не гнев — печаль. — Но я не спрошу, кто тебя послал. Потому что знаю — ты вернёшься. Даже когда приказ Империи будет выполнен.

Тогда она не поняла его. Свою любовь и судьбу она осознала через несколько месяцев, когда узнала, что беременна. Тогда пришла к нему — уже без притворства, с дрожащими руками и комом в горле. Он коснулся её живота — осторожно, почти благоговейно — и прошептал:

— Девочка. У неё твои волосы, рыжие, как этот закат. И мои глаза.

— Твои глаза? — переспросила она.

— Да. — Он улыбнулся, и в этой улыбке была вся скорбь мира. — С золотыми искрами. Я видел это. Наша дочь уна-

следует мой дар и твою силу.

— Ты ты знал? С самого начала?

— Я оракул. Я вижу всё, что связано с моей кровью. Знал, зачем ты пришла, ещё до того, как ты переступила порог. Знал — и всё равно полюбил. Потому что даже мы, видящие будущее, не властны над своими чувствами.

— Я должна уйти. Приказ

— Я знаю. Я не держу. — Он помолчал, и голос его дрогнул. — Я лишь не знаю одного — хватит ли у меня сил отпустить тебя, когда придёт время.

Она ушла той же ночью. Спускалась по горной тропе, и колючие равнодушные звёзды смотрели ей вслед. Она плакала. Впервые за восемнадцать лет — плакала, не скрываясь. Плакала и гладила живот, в котором росла девочка. Дочь возлюбленного. Дочь, которой ей никогда не позволят назвать по имени в присутствии отца.

Через девять месяцев на свет появилась Ксандра. Орана взяла её на руки, заглянула в зелёные глаза, уже подёрнутые золотистыми искрами, — и каменное сердце агента Антарии раскололось навсегда.

Глава 1. Кровь и пепел

Портовый город Тирс. Лавка травницы. Восемнадцать лет спустя.

Ксандра проснулась за час до рассвета.

Сон всё ещё держал её в своих когтях — липкий, тягучий, как паутина. Ей снился лес. Густой, тёмный, полный шорохов и теней. Мужчина с серыми глазами и холодным лицом падал, истекая кровью, а она бежала к нему, не чувствуя ног. Древние слова сами срывались с губ. Серебристый свет вспыхивал между ними, сплетая их магии в одну.

А потом — другое. Руки на её теле. Горячие, требовательные. Разорванное платье. Холодная земля под спиной. И жар, что разливался внутри, мучительный, невозможный, смешанный с болью.

Она просыпалась в холодном поту. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. На губах — чужой вкус, соль и что-то ещё, чему она не знала названия.

Это был не просто сон.

В детстве Ксандра думала, что проклята. Ей снились вещи, которые потом происходили. Она знала, что мать — не просто травница, задолго до того, как нашла тайные письма. Знала, потому что видела во сне: ночь, чёрный плащ, быстрый удар кинжалом — и лазутчик падает, захлёбываясь кровью. Видела императорский дворец, запах старых книг и

властный голос: «Ты выполнишь приказ Империи».

Позже она поняла: это не проклятие. Это дар. От отца, которого она никогда не знала. Предвидение. Обрывочное, хаотичное, но всегда, всегда правдивое.

Сегодняшний сон был самым ярким. Самым страшным. И самым... она не находила слова. Что-то, от чего кровь приливала к щекам, а низ живота сводило сладкой судорогой. Что-то, что говорило: это не просто видение. Это будущее.

Она откинула одеяло, подошла к окну. Порт просыпался — кричали чайки, гремели цепи, пахло рыбой и солью. Всё как обычно. Но Ксандра знала: сегодня всё изменится. Потому что карета из её сна уже едет по узким улочкам Тирса.

Мать вошла без стука. У неё была такая привычка — появляться бесшумно, как дух. Орана выглядела спокойной, но Ксандра слишком хорошо её знала: это спокойствие человека, который готовится к худшему.

— Собирайся.

— Куда? — хотя она уже знала ответ.

— В академию Тэйрон. За тобой приехали.

Ксандра хотела спросить — кто? Почему сейчас? Что со мной будет? — но не спросила. Потому что знала: мать скажет ровно столько, сколько нужно. И ни словом больше. Так было всегда.

Она собрала вещи быстро. Платье, плащ, пара книг по травам — зачитанные до дыр, с загнутыми уголками. Мешочки с сушёными растениями. Маленький нож, который

мать подарила ей на тринадцатилетие. Привычка, вьёвшаяся в кровь: травница всегда должна быть готова к дороге.

Орана протянула ей кожаный мешочек. Маленький, потёртый, перетянутый шнурком. Ксандра взяла его — и по пальцам пробежало тепло. Живое, пульсирующее, как сердцебиение.

— Откроешь в академии, — сказала мать. — Это скроет то, что не должны видеть.

Тёмный дар. Ксандра сжала мешочек в кулаке. Они никогда не говорили о нём вслух. Ни разу за восемнадцать лет. Это было их молчаливое соглашение: мать делает вид, что дочь обычная, дочь делает вид, что не замечает ночных уходов матери. Слои лжи, за которыми пряталась любовь.

— Я знаю, кто ты, мама, — сказала Ксандра тихо.

Орана замерла. Только пальцы, поправлявшие завязки на дорожной сумке, дрогнули.

— Я знаю, что ты — агент Империи. Знаю, что выполняешь приказы императора. Знаю, что мой отец — не простой человек. — Она говорила спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Но сегодня, перед тем как я уйду... скажи хотя бы что-то.

Тишина. Долгая. Звонящая. Орана стояла к ней спиной, и Ксандра видела, как дрожат её плечи.

— Твой отец... был великим человеком, — сказала она наконец. Голос глухой, надтреснутый. — Я любила его. Это единственная правда, которая имеет значение.

— Этого достаточно.

Ксандра подошла, обняла мать, прижавшись щекой к её спине. Орана замерла. А потом накрыла её руки своими, и Ксандра почувствовала, как на пальцы упало что-то горячее.

«Она не сказала, что он жив. Но я знаю. Мои сны не лгут», — промелькнуло в голове Ксандры.

— Я люблю тебя, мама.

Она никогда не говорила этих слов вслух. Во сне — да, сказала. И во сне мать не ответила.

Орана не ответила и сейчас. Только плечи дрогнули — один раз. И Ксандра поняла: если обернётся сейчас — не сможет уйти. Поэтому не обернулась.

Карета принца Дэмиона Тариана остановилась у скромного дома на окраине Тирса ровно в восемь утра. Чёрный экипаж с серебряным драконом на дверце — родовой герб Тарианов, правящей династии Антарии. Двое стражников. Кучер в тёмной ливрее.

Дэмион вышел первым. Он не любил юг. Жара, вонь рыбы, толпы простолюдинов, не знающих слова «дистанция». Но приказ есть приказ, а он привык их выполнять. Даже те, что кажутся глупыми.

Дверь открыла женщина. Лет сорока пяти, рыжие волосы тронуты сединой, лицо без косметики. Простое платье, передник, руки в муке — она только что месила тесто. Но Дэмиона было не обмануть. Он видел: эта женщина стоит

иначе. Плечи развёрнуты. Вес на носках — в любой момент готова к атаке. Глаза сканируют его, оценивают, запоминают.

Агент Империи. Даже в отставке они не перестают быть агентами.

— Ваше высочество, — Орана присела в реверансе ровно настолько, насколько требовал этикет Антарии. Без подбострастия. Без страха. — Проходите. Свитки готовы. Дочь собирается.

— Не нужно церемоний. Я забираю и то, и другое.

Она исчезла в глубине дома. Вернулась через минуту с кожаным свёртком. Дэмион взял его, проверил печати — одну за другой, семь штук. Целы. Привычка, которую вбили в него годами службы в А-1: не доверяй никому, проверяй всё.

— Семь свитков. Украдены из библиотеки Ларинии три недели назад, — доложила Орана. — Я перехватила их у перекупщика в порту. Лазутчики будут искать. Они уже в городе.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Он убрал свитки в сумку и поднял голову — как раз вовремя, чтобы увидеть её.

Она спускалась по лестнице. Невысокая, худая. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок на затылке. Простое дорожное платье зелёного цвета, в тон глазам. Плащ не по размеру. Узелок с вещами в руках.

Ничего особенного. Таких девушек — сотни в любом городе Антарии.

Но когда она подняла голову и посмотрела на него, Дэмион забыл, как дышать.

Её глаза. Зелёные, с золотистыми искрами, что вспыхивали в утреннем свете. Они смотрели на него — не с вожделением, не со страхом, не с девичьим любопытством. А с узнаванием. Будто она видела его раньше. Будто ждала.

По спине пробежал холодок. Дэмион отогнал его усилием воли. Нервы. Просто нервы. Плохо спал. Слишком много донесений за последнюю неделю.

— Адептка Ксандра Гросси? — спросил он, хотя знал.

— Так точно, ваше высочество.

Голос тихий, ровный. Без заискивания. Без трепета. Она смотрела на него в упор, и в этом взгляде было что-то, что заставляло его чувствовать себя неудобно. Словно она знала то, чего не знал он. Словно она уже видела, чем закончится их встреча.

— Садитесь в карету. Время не ждёт.

Она кивнула и направилась к экипажу. Дэмион машинально подал ей руку — и когда её пальцы коснулись его ладони, по коже пробежал ток. Холодные пальцы. Но под ними — быстрый, тревожный пульс. И что-то ещё — тёмный отголосок, который он почувствовал магией.

Орана стояла на пороге. Не махала. Не плакала — глаза сухие, лицо каменное. Только пальцы, сжимавшие косяк двери, побелели.

— Береги её, — сказала она.

Дэмион не ответил. Захлопнул дверцу, и карета тронулась.

Они ехали молча. Ксандра смотрела в окно — на мелькающие дома, на порт, на чаек, что с криком носились над водой. Дэмион смотрел на неё. Изучал.

В отчёте, что прислал император, было написано: «Целительница. Одарённая. Талантлива. Рекомендована к зачислению. Дар скрыт светлой магией». Но его собственное чутьё говорило иное. Её аура мерцала — не ровно, как у светлых магов. В ней пульсировало что-то тёмное. Спрятанное. Глубокое.

Он вспомнил вчерашний разговор в кабинете отца.

Антуан стоял у окна, глядя на заходящее солнце, окрасившее шпили дворца в багрянец.

— Ты, конечно, считаешь это блажью императора, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Я выполняю приказы, отец. Моё мнение не имеет значения.

— Имеет. — Антуан повернулся, и в его глазах Дэмион увидел то, что видел редко: не власть, а усталость. Глубокую, древнюю, как сама Империя. — Потому что однажды ты поймёшь: мы не просто перевозим травницу. Мы везём судьбу Антарии.

Оракулы Изумрудной долины предсказали это столетие назад. Три союза, три девы. Их сила, свет и тьма в одном теле, должна остановить тёмного мага, который выпил уже

сотни жизней. Первая дева — Талиана, дочь моих погибших друзей. Ты её знаешь. Вторая — та, кого ты привезёшь из Тирса. Третья пока скрыта. Без них Империя падёт.

— Значит, девчонка — не просто целительница?

— Она — ключ. Хранитель рода, Стефан, утверждает, что в её крови течёт дар аракулов. Она сможет прочесть свитки, которые не поддаются никому. Защити её. Даже ценой собственной жизни.

Дэмион смотрел на рыжеволосую девушку напротив. Её зелёные глаза с золотистыми искрами смотрели в окно, но он чувствовал — она замечает всё. Каждое его движение.

«Пророчество, — с горечью подумал он. — Сколько жизней уже сломано из-за этих слов».

Он не верил в судьбу. Он верил в клинок, стратегию и приказы. Но приказ отца звучал в ушах: «Береги её».

— Что вы скрываете? — спросил он тихо.

Она вздрогнула.

— Ничего, ваше высочество.

— Лжёте.

Она промолчала. И это молчание сказало ему больше, чем любые слова.

— В академии вас ждёт нелёгкая жизнь. У нас не любят выскочек. И особенно не любят тех, кто получил место по протекции.

— Я не просила протекции. — Её голос вдруг стал твёрже. — Я буду работать в десять раз больше других. Чтобы

доказать, что достойна.

— Посмотрим.

Карета въехала в лес. Солнце спряталось за кронами, и в экипаже стало сумрачно. Тени сгущались, и вместе с ними росло напряжение, которое Дэмион чувствовал кожей.

Ксандра вдруг вздрогнула — не от холода. От узнавания. Она видела этот лес. Эти сосны. Эту дорогу. Во сне.

— Что-то не так? — спросил Дэмион.

— Нет. Всё в порядке.

Ложь.

Глава 2. Лесная засада

Лес встретил их тишиной. Странной. Звенящей. Птицы замолкли за минуту до того, как Ксандра почувствовала холод, пробежавший по спине. Предчувствие.

А потом — взрыв. Не звуком — магией. Ударная волна ударила по карете, стёкла брызнули осколками. Ксандра не помнила, как оказалась на земле. В ушах звенело. Голова раскалывалась. Во рту — вкус крови и земли. Она не сразу поняла, что это её собственная кровь.

Дэмион уже стоял на ногах — быстрее, чем она успела моргнуть. Его меч светился серебром, готовый к бою.

Ксандра огляделась. Двое охранников лежали на земле. Один — без сознания, второй — неестественно запрокинув голову. Мёртв. Грудь не вздымалась. Кучер на козлах наклонился вперёд, из его плеча торчал осколок стекла. Тоже без сознания. Ударной волной выбило всех, кроме неё и Дэмиона.

Из-за деревьев вышли пятеро. Чёрные плащи, капюшоны, скрывающие лица. Клинки, светящиеся багровым, — тёмная магия, что питается болью.

— Свитки, принц, — голос первого был глухим, искажённым магией. — Отдай свитки — и, может быть, останешься жив.

— А девчонка? — второй говорил с масляной усмешкой.

Ксандра почувствовала, как его взгляд скользнул по ней — липкий, оценивающий. — Тёмная целительница с кровью аракулов. Маг будет рад такому подарку.

Кровь отлила от лица Ксандры. Они знали. Знали о её да-ре. Об отце. Обо всём.

Дэмион не ответил. Он атаковал.

Ксандра видела, как дерётся настоящий мастер клинка. Каждое движение выверено, каждый удар смертелен. Его меч — серебристый, пульсирующий силой — врезался в тёмную магию врагов, разбрасывая искры. Один, второй — двое нападавших упали. Но врагов было пятеро.

Третий зашёл с фланга — бесшумно, как тень. Ксандра заметила его в последний момент.

— Слева! — закричала она.

Поздно. Клинок вошёл Дэмиону под левую лопатку.

Она видела это во сне. Точно так же — слева. Точно так же — клинок, входящий в плоть с влажным хрустом. Дэмион развернулся, одним ударом снёс голову нападавшему — и начал оседать. Серебристая аура принца меркла на глазах, словно кто-то заливал свет чернилами. Яд. Тёмный, быстрый, смертельный. Она видела, как он растекается по его ауре, пожирая свет.

Оставшиеся двое двинулись добить.

И Ксандра побежала.

Она не думала. Тело действовало быстрее разума — как во сне. Она упала на колени рядом с Дэмионом, толкнула

его на землю, прижала ладони к ране. Кровь хлынула сквозь пальцы — тёмная, почти чёрная, отравленная.

— Что... ты... — прохрипел он.

— Заткнитесь.

Она закрыла глаза и позвала свою силу. Не светлую — ту, что лежит на поверхности, которой она лечила рыбаков в порту Тирса. Тёмную. Запретную. Ту, что она прятала восемнадцать лет. Ту, о которой даже мать не говорила вслух.

И тьма откликнулась.

Живая. Горячая. Она текла сквозь Ксандру в тело Дэмиона — искала яд, обволакивала его, вытягивала. Свет и тьма переплелись. Заискрили. Нападавшие — те двое, что остались, — вдруг схватились за сердца и рухнули замертво. Ксандра даже не заметила этого. Вся её воля была сосредоточена на одном: вытащить яд, удержать его душу, не дать уйти.

Свитки в карете зашептали.

Древний язык. Слова, которые она никогда не слышала, но понимала. Они звучали не в ушах — где-то глубже, в костях, в крови, как ритм, под который начинало биться сердце. Они звали её, тянули — и Ксандра, шатаясь, бросилась к карете. Разорвала кожаный свёрток. Вытащила один свиток — тот, что кричал громче всех. Тот самый, что являлся ей во сне.

Символы вспыхнули золотом.

Она начала читать. Голоса вкладывали смысл прямо в го-

лову, минуя слух, и слова сами срывались с губ — древние, забытые, но такие родные. Кровь аракулов, текущая в её жилах, узнала их и откликнулась.

— Кровь моя к крови твоей. Душа моя к душе твоей. Отныне и навеки. Что моё — то твоё. Что твоё — то моё. Да будет так.

И в тот же миг она почувствовала, как что-то внутри неё — не магия, а нечто более глубокое, древнее — оборвалось и связалось заново. Уже не с ней. С ним.

Серебристый свет взорвался между ними. Две магии — тёмная и светлая — рванулись навстречу друг другу, переплелись, стали одним. Ксандра закричала — от боли, от восторга, от невозможности вместить в себя эту силу.

И потеряла сознание.

Кругом было тихо. Только лес, только ночь, только двое — она и он. Никто не видел, что будет дальше. Никто не станет свидетелем.

Очнулась она от прикосновения. Тяжёлая, горячая рука гладила её по щеке.

Ксандра открыла глаза — и встретилась взглядом с Дэмионом. Он нависал над ней, опираясь на одну руку. И что-то было не так. Его глаза — серые, глубокие — смотрели на неё. Но не видели. Они были пустыми. Стеклянными. Как у слепого.

— Ты жива, — сказал он. Голос хриплый, чужой.

— Вы... ранены. Я должна...

— Уже нет.

Она опустила взгляд — и увидела: рана затянулась. Только тонкий белый шрам остался под лопаткой, светящийся серебром. Её дар сработал. Слишком хорошо. Слишком глубоко.

— Что ты сделала? — спросил он.

— Ритуал. «Союз кровей». Я не знала... Свиток кричал, вы умирали, я просто...

— Союз кровей? — его зрачки расширились. — Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Нет. — Она честно посмотрела ему в глаза. — Не понимаю.

И тогда он поцеловал её.

Это не было нежностью. Это было безумием. Жаром, что плавил кости, стирал границы между «я» и «ты». Его губы впились в её — жадно, требовательно, и она должна была оттолкнуть его. Должна была закричать, позвать на помощь.

Но не могла.

Не потому что он был сильнее — он едва стоял на ногах от потери крови. А потому что её собственная магия рвалась навстречу. И потому что она знала — знала с тех пор, как впервые увидела его во сне, — что это произойдёт. Что она не захочет уйти.

Где-то на краю сознания билась мысль: *остановись, пока не поздно*. Но она уже не знала, где её мысль, а где — его

желание. Ритуал стёр эту границу.

Тьма, что текла в ней, узнавала его свет. Тянулась к нему. Обвивала, сплеталась в тугую, неразрывный узел.

Пальцы сами вцепились в его плечи — не отталкивая, притягивая ближе.

— Дэмион, — выдохнула она, и в её голосе смешались страх и что-то ещё. То, чему она не смела дать имя. То, что она видела во сне сотню раз.

Он не ответил. Его губы скользнули по её шее, ключицам, спускаясь ниже, и она выгнулась навстречу, теряя волю.

Когда его пальцы рванули ворот платья, она не остановила его. Пуговицы посыпались в траву, холодный ночной воздух коснулся обнажённой кожи — и Ксандра вздрогнула. Не от холода. От осознания.

— Я знала, — прошептала она. — Знала, что так будет...

Он замер на мгновение, вглядываясь в её лицо мутными глазами. Ритуал забрал его разум — она читала это в его взгляде. Он не понимал, где находится, не узнавал её. Но его руки, его губы, его тело — они знали.

— Не отпускай, — хрипло выдохнул он, и в этом шёпоте было столько боли, столько одиночества, что у неё сжалось сердце. — Слишком долго... один...

И снова поцеловал — уже не так грубо, почти умоляюще.

Её тело горело. Когда его рука скользнула ниже, под юбку платья, она не сказала «нет». Не могла. Потому что тьма внутри неё пела, узнавая свою вторую половину.

Он вошёл в неё — резко, глубоко. Боль пронзила, острая и яркая, и Ксандра вскрикнула, впиваясь ногтями ему в спину. Перед глазами вспыхнули белые круги.

Но следом пришло другое.

Жар, что разливался по венам, топя боль в невероятном наслаждении. Их магия столкнулась, переплелась, заискрила серебром и тьмой.

— Тише, — хрипло выдохнул он в её губы. — Тише...

Его движения стали медленнее, и она двигалась с ним. Она забыла, где кончается она и начинается он.

Когда всё кончилось, он со сдавленным стоном обмяк в её объятиях.

Тяжесть. Тишина. Его дыхание выровнялось. Он отключился — прямо на ней, не сказав ни слова. Просто провалился в темноту.

Ксандра лежала под ним и смотрела в небо.

Звёзды были равнодушны. Лес молчал.

Её тело всё ещё горело. Она чувствовала его — даже сейчас, когда он был без сознания. Его сердце. Его дыхание. Его магию, что текла в ней, как вторая кровь.

Она замерла на мгновение. Потом — осторожно, стараясь не смотреть на его лицо, — оттолкнула его, поправила одежду. Застегнула то, что можно застегнуть. Затянула плащ. Её руки дрожали, но она заставила их работать. Пуговица. Ещё одна. Складка на плаще. Простые действия — единственное, что удерживало её от того, чтобы разрыдаться. Потом при-

вела в порядок его рубашку, аккуратно заправила её в брюки. Как будто ничего не случилось. Как будто это не её запах остался на его коже.

Закончив, она отодвинулась от него. Села в стороне, обхватив колени руками. И замерла, глядя в темноту.

«Мы связаны, — поняла она. — Навсегда».

Она знала: он не вспомнит. Так говорило её видение. Он не помнил, как напали, как она читала свиток, как целовал её. Магия стёрла это. Он проснётся — и будет знать только то, что она скажет.

Воздух взорвался.

Не звуком — силой. Давлением, от которого заложило уши. Земля задрожала, деревья застонали, сгибаясь.

Из темноты выступила фигура. Огромная — под три метра ростом. В древних боевых доспехах, почерневших от времени. Лицо скрыто шлемом с прорезями для глаз, из которых полыхал голубовато-белый огонь. За спиной висел плащ, сотканный из чистого мрака. В одной руке — длинный призрачный меч. В другой — цепь, символ хранителя рода.

— КТО ПОСМЕЛ?! — голос прокатился над лесом, как гром. — КТО ПОСМЕЛ ВОЙТИ В РОД ТАРИАНА БЕЗ МОЕГО СОГЛАСИЯ?!

Ксандра вжалась в землю. Этого не было в её сне.

Стефан шагнул к ней. Огненный взгляд упёрся в неё — и она почувствовала, как он сканирует её душу.

— Ты! — цепь сорвалась, обвилась вокруг её горла, не

сжимая, лишь касаясь. — Девчонка. Никто! Как ты посмела коснуться моего подопечного?

— Я спасала его... Он умирал...

— Ритуал «Союз кровей»! Ты связала свою жизнь с наследником Тарианов! Ты вошла в род — без спроса, без моего благословения!

Он наклонился ближе — и вдруг замер. Огненные глаза сузились.

— Что это? — прошептал он. — Что за кровь?

Холодные пальцы коснулись её щеки. И гнев в его глазах сменился изумлением.

— Кровь аракулов... — в его голосе зазвучало благоговение. — Чистая. Древняя. Я думал, она угасла столетия назад.

Он отдернул руку от её лица — не грубо, а почти благоговейно, словно прикоснулся к святыне и побоялся осквернить.

— Ты — та самая девочка. Дочь Арамона. Вторая дева.

Стефан взглянул на тело мёртвого стражника.

— Одного я заберу, — сказал он глухо. — Кучер ранен. Остальные выживут.

Стефан выпрямился. Доспехи истаяли, сменившись простой одеждой. Перед ней стоял не воин — уставший, древний дух.

— Я ждал тебя восемнадцать лет, — произнёс он тихо. — Ты — мой шанс искупить вину.

Он опустился на поваленное дерево — огромный, при-

зрачный, и всё же бесконечно усталый. Пламя в его глазах угасло до тусклых углей.

— Больше тысячи лет я Хранитель рода, — заговорил он, глядя в темноту. — Я вижу нити судеб и считал это даром. Пока сто лет назад не сплёл из них петлю. Я убедил тогдашнего императора Алеана женить его брата, Адриана, на тёмной целительнице Сарии. Думал, что укреплю род. А вместо этого породил чудовище.

Он замолчал. Лес тоже молчал, словно слушая его исповедь.

— Сария полюбила мужа безумной страстью. А он был одержим лишь одним — обрести магию, которой его лишили в утробе.

— И она создала для него кристалл, — тихо произнесла Ксандра. Она уже знала — свитки шептали ей об этом.

— Да, — Стефан кивнул. — Кристалл, способный хранить чужую силу. А он научился забирать чужие жизни. Сначала — животных. Потом — людей. Сария поняла, что натворила, когда стало слишком поздно, и заточила свой разум в тот самый кристалл — чтобы всегда быть с ним, чтобы он мог пользоваться её даром. А он продолжал охоту. Стал бессмертным. Стал чудовищем.

Ксандра почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Род Тариана ослаб. Боги разгневались. А я... я получил наказание страшнее смерти. Я мог лишь наблюдать. Лишь советовать шёпотом из теней. Лишь помнить каждого по-

гибшего — каждого мага, каждую женщину, каждого ребёнка, чью жизнь выпил Адриан. Вечно. — Он поднял глаза на Ксандру. — Такова была цена за мою гордыню.

— Но при чём здесь я? — спросила она.

— Ты — мой шанс всё исправить. Оракулы предсказали. три девы, рождённые от трёх союзов, уничтожат тёмного мага. В их жилах — свет и тьма в одном теле. Ваша сила соединится — и тогда Адриан падёт.

— Я не хочу быть оружием, — выдохнула Ксандра.

— А тебя никто не спрашивает, — жёстко ответил Стефан. — Ты уже часть рода Тариана. Ты сама провела ритуал. Сама связала себя с ним.

Он посмотрел на спящего принца, потом снова на неё.

— Он не помнит. Магия стерла ему память. И ты будешь молчать. О ритуале. О связи. Обо мне. Откроешь рот раньше времени — и его разум расколется. Это будет на твоей совести. Ты его спасла — ты же его и убьёшь.

Ксандра побледнела. Стефан даже не взглянул на неё.

— Со временем он начнёт слышать тебя. Твои мысли. Твои тайны. Твой шёпот. Когда придёт срок — память вернётся сама. Но до тех пор — молчи. Это твоя плата за ритуал. И за его жизнь.

Он исчез.

Дэмион очнулся через час.

Сел, поморщился — тело ныло, но раны не было. Огля-

делся. Враги исчезли. Только тёмные клинки валялись в траве. Его взгляд остановился на теле стражника с неестественно запрокинутой головой.

— Лейтенант Харроу, — произнёс он глухо. — Долго пролежал?

— Он был мёртв ещё до того, как я потеряла сознание, — тихо сказала Ксандра. — Ударная волна. Ему не повезло.

Дэмион промолчал. Только желваки заходили под кожей.

— Что произошло? — спросил он наконец, переводя взгляд на неё.

— На нас напали. — Ксандра старалась говорить ровно. — Вы были ранены. Я использовала свиток... перелила вам свою силу.

Он перевёл взгляд на неё. И замер.

На долю секунды в его серых глазах мелькнуло что-то, чего она никогда не видела у мужчин: ужас. Не перед ней — перед тем, что, как ему казалось, он не смог предотвратить.

Её платье было разорвано. Пуговицы оторваны. На ключицах — красные следы.

Она сидела, обхватив себя руками, и дрожала.

— Что с тобой случилось? — голос его сорвался. Впервые в жизни.

— Я не помню. — Она сказала правду — не всю, но правду. — Я была без сознания. Когда очнулась — их уже не было. И... — она коснулась разорванного ворота, — это.

Он не спросил, кто. Не спросил, что они сделали. Его ку-

лаки сжались так, что ногти впились в ладони.

— Моя вина, — глухо сказал он. — Не уберёг.

Он поднялся, помог ей встать, укрыл плащом. Её тело дрожало. Он не знал — от холода или от чего-то ещё. Знал только, что никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

Они сели в карету. Дэмион сел напротив, сжал кулаки, уставился в окно. Никто не нарушал тишины.

— Я отправил вестника, — сказал он, не оборачиваясь. — В академии знают. Нас встретят. Кучеру помогут.

А потом он достал из дорожной сумки небольшую шка-
тулку.

— Это тебе, — сказал он, протягивая её.

Ксандра открыла. На тёмном бархате лежал амулет — серебряная пластина с рунами, слабо светящаяся в сумерках. Тёплый. Живой.

— Экспериментальный артефакт. Приказ императора. Скрывает тёмный дар. Носи всегда.

— Для кого он создавался?

Дэмион посмотрел на неё долго, изучающе.

— Император сказал: «Для той, кто понадобится империи». Видимо, для тебя.

Ксандра надела амулет на шею. Металл нагрелся, прильнул к коже, и тёмный дар внутри затих, спрятался.

Она сжала амулет в ладони. Металл был тёплым. Как его кожа. Как его дыхание там, в лесу. Она зажмурилась, прого-

няя воспоминание. Но оно уже вросло в неё — глубже, чем она могла признаться.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Он не ответил. Отвернулся к окну.

Глава 3. Академия Тэйрон

Карета принца Дэмиона Тариана остановилась у ворот академии, когда солнце уже клонилось к закату. Ксандра смотрела на открывающийся вид и не могла отвести глаз. Академия Тэйрон оказалась огромной — готические шпили уходили в небо, чёрные башни с остроконечными крышами напоминали стражей, застывших в вечном дозоре. Между ними переливались витражи — сцены битв, древние гербы, фигуры магов, чьи глаза, казалось, следили за каждым входящим.

— Красиво, — выдохнула она.

— Функционально, — поправил Дэмион, выходя из кареты. — Это военное учреждение. Здесь готовят не художников. Здесь готовят воинов.

Он помог ей спуститься. Ноги Ксандры дрожали — от слабости, от пережитого, от всего сразу. Плащ Дэмиона всё ещё скрывал её разорванное платье. Тяжёлая ткань хранила его запах — кедр и дорогой табак. Она вдохнула его, и внутри что-то дрогнуло, болезненно и сладко.

— Живее, — бросил он, не оборачиваясь. — Я передал сигнал из кареты. Целитель уже ждёт.

Ксандра вздрогнула и ускорила шаг, придерживая плащ. *Он не помнит. Для него я просто адептка. Чужая. Никто.*

Лазарет располагался в восточном крыле — просторное помещение с высокими потолками, где пахло травами и чем-то стерильным, холодным. Белые стены, узкие окна, сквозь которые пробивались последние лучи солнца. Навстречу им вышел мужчина лет пятидесяти — подтянутый, крепкий, с тёмными волосами, тронутыми сединой, и лицом с чёткими, строгими чертами. Светло-серые глаза осмотрели Ксандру с головы до ног за долю секунды.

— Мэтр Альваро, — представил его Дэмион. — Лучший целитель академии и Империи. Займитесь ею. Нападение в лесу, физические травмы, магическое истощение. Доложите о состоянии.

— Так точно, господин ректор.

Дэмион уже повернулся к выходу, но задержался.

— И ещё, мэтр. Свитки, что я привёз, будут переданы в библиотеку. Доступ к ним получите вы и адептка Гросси. Она умеет их читать — подробности позже. Начинайте расшифровку, как только она восстановится.

Альваро перевёл взгляд на Ксандру — в его глазах мелькнул острый интерес.

— Умеет читать свитки аракулов? В восемнадцать лет?

— Умеет открывать, — поправил Дэмион. — Под вашу ответственность. И без огласки.

— Так точно.

— Выполняйте.

— Есть.

Дэмион вышел, даже не взглянув на Ксандру. Только плащ остался лежать на её плечах — тяжёлый, чужой, почему-то успокаивающий.

Альваро проводил его взглядом, потом перевёл взгляд на Ксандру.

— Ну-с, адептка, проходите. Рассказывайте.

Ксандра села на кушетку. Пальцы дрожали — то ли от холода, то ли от пережитого.

— Напали в лесу, — начала она, стараясь говорить ровно. — Господин ректор был ранен. Я использовала ритуал, перелила ему свою силу. Больше ничего не помню.

Альваро слушал не перебивая. Только брови чуть сошлись к переносице.

— Адептка, вы плохо врёте.

Она подняла голову.

— Я целитель с двадцатипятилетним стажем, — он сел напротив, в упор глядя на неё. — И я работаю в военной академии. Сюда не попадают случайные люди с красивыми легендами. Я вижу не только раны, но и ауры. Ваша — странная. Словно две нити сплелись в одну. Светлая и... — он замолчал, вглядываясь, — и тёмная.

Ксандра замерла.

Он видит. Он видит связь.

— У меня есть артефакт, — быстро сказала она, касаясь пальцами амулета под плащом.

— Он скрывает дар. Но не от меня. — Альваро взял её за

запастье, нащупал пульс. — Я не маг, адептка. Я целитель. Я вижу тело. А тело говорит, что вы пережили сильнейший магический всплеск. Ваш резерв истощён до предела. Вы могли умереть.

— Я...

— Не объясняйте. Мне плевать на ваши тайны, пока они не угрожают академии и империи. Мне нужно привести вас в порядок.

Он принялся смешивать в ступке какие-то травы. Ксандра молча смотрела на его руки — уверенные, точные, привыкшие к тонкой работе. В этом было что-то успокаивающее: ритмичные движения, запах сушёных растений, тихое позвякивание инструментов. Совсем как дома, в лавке матери.

— Говорят, в молодости вы были боевым магом, — заметила она, чтобы хоть что-то сказать.

— Было дело, — усмехнулся Альваро, не прерывая работы. — Пока не поймал тёмный клинок плечом. С тех пор только лечу.

— И поэтому стали лучшим?

— Поэтому знаю цену каждой ране. — Он поднял на неё глаза. — Раздевайтесь до пояса. Живо.

Ксандра замерла.

— Адептка, здесь военное учреждение, а не пансионат благородных девиц. Раздевайтесь.

Она подчинилась. Стянула плащ, потом разорванное платье. Ткань сползла вниз, открывая синяки на рёбрах и пле-

чах — фиолетовые, багровые, уже начинающие желтеть по краям.

Альваро охнул — едва слышно, но достаточно, чтобы Ксандра поняла: дело плохо.

— Боги... вас будто...

— Я была без сознания.

Он не стал спрашивать. Его пальцы засветились тёплым золотистым светом, и он осторожно прикоснулся к её плечу. Боль отступила — не сразу, но постепенно, как вода, что смывает грязь. Тепло разливалось по телу, впитывалось в мышцы, снимало напряжение. Ксандра прикрыла глаза. Впервые за последние сутки она почувствовала себя в безопасности.

— Кости целы, — сказал Альваро через несколько минут. — Внутренних кровотечений нет. Синяки пройдут через пару дней. Но ваша магия... — он покачал головой. — Вы когда-нибудь получали магическое истощение?

— Нет.

— Оно хуже любой физической боли. Я пропишу вам восстанавливающий курс. И ещё... — он помолчал, вглядываясь в её ауру, — вы талантливы, адептка. Я чувствую это. Ваш дар — не просто светлое целительство. В вас есть потенциал, которого я не видел десятилетиями.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Это не комплимент, адептка. Это диагноз. — Альваро усмехнулся. — И я хочу, чтобы вы приходили ко мне на до-

полнительные занятия. Раз в три дня. Я научу вас контролировать ваш дар. И не потому, что вы мне нравитесь, а потому что Империи нужны сильные целители.

— Я согласна.

— Тогда доложите письменно к утру расписание ваших занятий. Всё, что не входит в основную программу.

— Есть.

Через час она уже стояла в дверях своей новой комнаты. Крыло целителей оказалось отдельным корпусом рядом с лаваретом — маленькая комната на четверых, узкие кровати с железными спинками, простые деревянные шкафы без украшений. Одно окно выходило во внутренний двор.

Соседки уже разошлись на занятия. У дальней кровати, застеленной простым синим покрывалом, сидела светловолосая девушка и читала книгу. Такая же форма — тёмно-синяя, строгая, с нашивкой целителя.

— Новенькая? — она подняла голову. — Меня зовут Фрея. Ты на каком курсе?

— Мне сказали, я определена на первый.

— Тогда добро пожаловать в ад, — усмехнулась Фрея. — Хотя... — она внимательно посмотрела на Ксандру, — если ректор сам тебя привёз, может, тебе и повезёт.

Ксандра ничего не ответила. Открыла шкаф — внутри уже лежала форма. Она переоделась и посмотрела на себя в маленькое зеркало. Впервые в жизни на ней была форма

Империи. Она провела ладонью по нашивке — золотой ка-
дауцей на фоне креста. Символ целителей. Её символ.

«Здесь каждый поступок оценивают, — напомнила она себе, поправляя воротник. — И каждое слово запоминают».

Первые дни в академии были похожи на проверку на проч-
ность. Подъём в шесть, завтрак, лекции, полигон, лазарет,
библиотека, отбой. Жёсткий ритм, который не оставлял вре-
мени на размышления. И это было хорошо.

На полигоне она чувствовала себя чужой. Её щит разби-
вался от первого же удара, и старшекурсники не скрывали
презрения. «Гросси, ваш щит — решето! Вы умрёте первой
в настоящем бою!» — кричал инструктор.

Ксандра оставалась после занятий, тренировалась до тем-
ноты, пока руки не начинали дрожать от усталости. Она не
сдавалась. Не могла позволить себе сдаться.

С четырёх до шести — работа в лазарете. Альваро, как и
обещал, взял её под своё крыло. Под его руководством она
училась не просто лечить, а чувствовать.

— Целительство — это не магия, адептка, — говорил он,
показывая, как правильно накладывать швы на открытую ра-
ну. — Это умение слышать тело. Настоящий целитель рабо-
тает головой и руками.

Она слушала, запоминала, впитывала каждое слово. Это
было её призвание.

— Но тёмные раны... — осторожно спросила она одна-

жды. — Их может лечить только тёмный целитель?

Альваро нахмурился.

— Откуда вы знаете о тёмных ранах? Это материал третьего курса.

— Свитки. Я слышала их.

Он молчал долго. Потом покачал головой:

— Вы опасны, адептка. И бесценны. Если то, что вы говорите, правда... вы сможете лечить то, что не лечил никто. Но сначала — дисциплина. Учёба. И никакой самостоятельности. Поняли?

— Так точно.

Библиотека академии находилась в центральной башне — огромный круглый зал, где стеллажи уходили вверх на несколько этажей, а воздух был пропитан запахом старых книг и воска. Ксандра получила доступ на второй уровень — в отдел редких текстов. Для первокурсницы из простолюдинов это было неслыханно.

Альваро ждал её у входа в нишу.

— Ну-с, адептка, посмотрим, что вы умеете.

Свитки ждали её в нише — те самые семь, что они везли из Тирса. Ксандра взяла первый. Развернула. Перед глазами поплыли древние символы — чужие, непонятные.

Но когда её пальцы коснулись пергамента — мир изменился.

Сначала — боль. Острая, короткая, как удар током.

Ксандра отдёргнула руку — на подушечках пальцев остались красные следы, будто она коснулась раскалённого металла. Запахло горелым.

— Что?! — Альваро шагнул ближе.

— Ничего. Я в порядке.

Она стиснула зубы и снова прижала ладонь к свитку. На этот раз боль отступила — и пришёл звук. Глухой, низкий, ритмичный — словно биение сердца. Потом — голос. Множество голосов, что переплетались, наслаивались друг на друга. Они не произносили слова. Они вкладывали смысл прямо в голову, минуя слух.

«...кровь к крови...»

«...свет к тьме... сила, что спала...»

Смысл проступал, как картинка на мокрой бумаге. Она не понимала слов, но понимала значение. Древние образы вставали перед глазами: две нити, сплетённые в одну, вспышка, рождение.

— Что ты слышишь? — голос Альваро выдернул её из транса.

Ксандра вздрогнула и чуть не выронила свиток.

— Голос, — прошептала она. — Много голосов. Они поют. Я не знаю слов, но понимаю смысл.

Альваро протянул платок. Ксандра коснулась верхней губы — пальцы стали алыми.

— Кровь аракулов, — тихо сказал он. — Ты не читаешь их — ты слышишь их. Это другое. Древнее. Я читал о таком

в хрониках. Если кто-то узнает об этом — за тобой начнут охоту. Понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда слушай молча. И не показывай никому.

На следующий день она снова пришла к свиткам. Боль не пришла — только тепло, разливающееся от пергамента к пальцам. Голоса зазвучали тише, словно они привыкали к ней, а она к ним. Она научилась не погружаться в транс полностью, а скользить по поверхности, улавливая смысл, но не теряя связь с реальностью.

— Ты учишься быстрее, чем я ожидал, — сказал Альваро, наблюдая за ней. — Но не торопись. Голоса могут обмануть.

— Как узнать, где правда?

— Опытом. Только опытом.

Первые недели Ксандра почти не видела Дэмиона. Только мельком — в коридорах, на плацу, когда он проводил смотр. Он всегда был в центре внимания, окружённый преподавателями и старшими адептами. Недостигаемый. Чужой.

Но иногда — раз или два в неделю — она ловила на себе его взгляд. Быстрый, цепкий, ничего не выражающий. И тогда внутри что-то сжималось.

На третьей неделе он зашёл в лазарет.

— Господин ректор, — Альваро вытянулся.

— Вольно. — Дэмион оглядел помещение, и его взгляд остановился на Ксandre. — Адептка Гросси, как ваше состо-

ание?

— Восстанавливаюсь, господин ректор. — Она вскочила и вытянулась по стойке «смирно». — Разрешено приступать к занятиям.

— Отлично. — Он помолчал, рассматривая её. — Мэтр Альваро, оставьте нас.

— Есть.

Целитель вышел, и Ксандра осталась одна с Дэмионом в пустом лазарете. Воздух будто загустел. Она слышала, как бьётся собственное сердце.

Дэмион смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается раздражение. Нет, не на неё — на себя. Рядом с ней ему становилось неуютно. Он не понимал почему. И это злило.

Час назад, когда он просматривал отчёты в кабинете, в груди вдруг вспыхнула боль. Короткая, как укол клинка. А потом — эхо. Голоса. Тихие, неразборчивые, но настойчивые. Будто кто-то звал его. Он списал это на рану, которая ещё не до конца зажила. Но сейчас, глядя на Ксандру, видел: она бледнее обычного. Под носом — след запёкшейся крови. И пальцы дрожат.

— Вы что-то скрываете, адептка, — сказал он, делая шаг ближе. — Я чувствую это.

— Ничего, господин ректор.

— Лжёте.

Он остановился в шаге от неё. Серые глаза впивались в

лицо. Ксандра чувствовала его запах — кедр, дорогой табак и что-то ещё, от чего кружилась голова. Ей хотелось отступить, но она не могла. Не позволяла себе.

— Вы ещё не восстановились до конца, — сказал он, и голос его смягчился. — Не переусердствуйте с занятиями.

— Есть, — выдохнула она.

Дэмион выдержал паузу, будто хотел сказать что-то ещё, но не сказал. Развернулся и вышел.

Ксандра осталась одна. Она медленно выдохнула и прислонилась к стене, чувствуя, как дрожат колени. Только сейчас она поняла, что задержала дыхание на всё время разговора.

«Он чувствует. Он не знает, но чувствует».

Слухи расползлись быстро. В академии всё замечали. Шёпот преследовал её повсюду — в столовой, в библиотеке, в казарме перед отбоем. Она научилась не оборачиваться на смешки за спиной.

Но однажды, возвращаясь с вечерних занятий, она наткнулась на двух девушек в коридоре. Старшекурсницы. Высокие, стройные, с идеальными причёсками и взглядами, полными ледяного превосходства. Они встали так, что обойти их было невозможно.

— Ты — та самая, — сказала первая, блондинка с холодными голубыми глазами. — Протеже ректора.

— Я адептка Гросси, — Ксандра остановилась. — Чем

могу помочь?

— Помочь? — вторая, шатенка с острым лицом, рассмеялась. — Ты уже помогла. Ректор везде за тобой наблюдает. Нам интересно, что ты такое сделала, чтобы привлечь его внимание. Может, поделишься секретом?

— Никакого секрета нет. Я просто учусь.

— Просто учишься? — блондинка шагнула ближе. — Ты — простолюдинка. Таких в академии единицы. И все они знают своё место.

Она наклонилась к самому уху Ксандры:

— Запомни, Гросси: если ты думаешь, что ректор тебя защитит — ты ошибаешься. Он не всегда в академии. А мы — здесь. И мы умеем ждать.

Ксандра смотрела прямо перед собой, не опуская глаз. Она вспомнила мать — как та стояла перед лазутчиками, спокойная, как скала. Её слова: «Страх — это нормально. Главное — не показывать его».

— Я просто хочу учиться, — сказала она. — И приносить пользу Империи.

— Вот и учись. И не лезь, куда не просят.

Девушки ушли, цокая каблуками по каменному полу. Ксандра выдохнула.

Она не видела, как в конце коридора, в тени колонны, стояла третья. Изабелла Вэллмонт не снизошла до разговора с простолюдинкой. Она просто наблюдала. И когда две её собеседницы скрылись за поворотом, уголки её губ дрогнули в

холодной, довольной усмешке.

Утром Ксандра нашла свою форму порезанной. Кто-то прошёлся лезвием по рукаву кителя — аккуратно, неглубоко, но так, что носить было нельзя. Ткань зияла длинным разрезом, и нитки торчали в стороны, словно насмехаясь. На её кровати, на самом видном месте.

Фрея, уже одевшаяся, заметила её взгляд и тихо сказала: — Не обращай внимания. Они проверяют, сломаетесь ты или нет.

Ксандра ничего не ответила. Взяла иголку и нитки — травница всегда носила с собой швейный набор — и зашила разрез мелкими, точными стежками. Пальцы дрожали, но она не остановилась, пока не закончила.

Если Изабелла Вэллмонт думала, что порезанный китель её сломает, — она ошибалась.

Но осадок остался.

Через две недели Альваро вызвал её к себе в кабинет. Вид у него был довольный.

— Адептка, — сказал он, протягивая ей маленький серебряный ключ на цепочке. — Ректор подписал распоряжение. Вам выделена отдельная лаборатория в крыле исследований.

Ксандра не поверила своим ушам.

— Отдельная?

— С личным ключом. — Альваро усмехнулся. — Не каждый первокурсник удостоивается такой чести. Особенно из

тех, кто учится за казённый счёт. Видимо, вы произвели впечатление. Не подведите.

— Есть, — выдохнула она, сжимая ключ в ладони.

Лаборатория оказалась маленькой, но уютной. Белые стены, длинный стол, шкафы с реактивами, узкое окно, выходящее на восток. И главное — тишина. Никто не зайдёт без спроса, никто не будет шептаться за спиной.

Ксандра опустилась на стул и закрыла глаза. Она достала амулет. Провела пальцем по рунам. Металл был тёплым — всегда тёплым, с того самого дня в лесу. Как его руки тогда.

Он не помнит. И никогда не вспомнит, если я открою рот.

Она прижала амулет к губам — быстро, неосознанно — и тут же отдёргнула руку. Перед внутренним взором встала картина: его лицо — близко-близко. Губы. Шёпот: «Не отпускай».

Это было. По-настоящему. Лес, его руки, его дыхание. А я не могу забыть.

А потом пришло другое. Не воспоминание — видение. Из тех, что всегда сбываются.

Он стоит у окна. Утро. Плечи расслаблены, волосы расчёпаны — только проснулся. Оборачивается. И улыбается. Ей. Как будто она — то, что он хотел увидеть первым.

Ксандра замерла.

Это не просто сон. Это будет.

Она знала это так же ясно, как знала, что карета из сна приедет за ней в Тирс. Так же ясно, как знала, что он упадёт

с клинком под лопаткой. Её сны не лгали. Никогда.

Когда-нибудь он будет стоять у окна. И улыбнётся. Мне.

Она прижала ладонь к груди. Там, под рубашкой, теплел амулет.

Когда-нибудь. Не сейчас. Но обязательно.

В тот же вечер Дэмион сидел в своём кабинете и смотрел на донесение, которое только что получил. Печать Империи Антария, личный шифр императора. Он развернул письмо:

«Девушка нужна Империи. Защити её любой ценой. Свитки передай для изучения, но будь осторожен — сила аракулов непредсказуема. Стефан подтвердил: она — вторая дева. Пророчество вступает в силу.

Береги её. Даже ценой себя.

Да хранит тебя Антария».

Дэмион откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Вторая дева. Ключ к спасению Империи.

А перед глазами стояло её лицо. Рыжие волосы, выбившиеся из небрежного пучка. Зелёные глаза с золотистыми искрами. Её голос — тихий, но твёрдый: «Я просто хочу учиться».

Он взял перо, чтобы написать ответ отцу, и замер. Его рука дрогнула, когда он подумал о ней. О том, что она уже не просто «объект охраны». Что-то большее. То, чему он не решался дать имя.

Раздался стук в дверь. Вошёл Альваро.

— Господин ректор, — сказал он, прикрывая за собой дверь. — Свитки активировались. Один из них светится. Я работаю с артефактами тридцать лет и никогда такого не видел.

Дэмион замер.

— Когда?

— Сегодня. Адептка Гросси работала с третьим свитком. Он отозвался на неё — сам, без ключа, без ритуала. Она слышит их. Не читает — слышит.

— Я знаю.

— Знали? — Альваро прищурился. — И не предупредили?

— Не был уверен, что это повторится.

Целитель помолчал.

— Если свитки активируются все разом, это может привлечь внимание. Вы понимаете, о ком я.

— Понимаю. — Дэмион сжал перо так, что оно хрустнуло.

— Усильте охрану библиотеки. И никому ни слова.

— Уже сделано. — Альваро повернулся к выходу, но задержался. — И ещё. Эта девочка — не просто целитель. То, что она делает со свитками... боюсь, это только начало.

Он вышел. Дэмион остался один.

«Свитки выбрали её. И теперь они не замолчат никогда».

Глава 4. Сделка

Три недели минуло с тех пор, как Ксандра переступила порог академии. За это время она успела привыкнуть ко многому: к холоду в казарме, к запаху трав в лазарете, к голосам свитков, что звучали всё отчётливее с каждым днём. Но к одному привыкнуть не удавалось.

К его взгляду.

Она чувствовала его повсюду. На плацу, когда её щит в очередной раз разбивался от первого же удара, а старшекурсники презрительно фыркали за спиной. В столовой, где она сидела в углу, стараясь не привлекать внимания. В библиотеке, когда он проходил мимо её ниши с редкими текстами — не останавливаясь, не говоря ни слова, лишь на мгновение замедляя шаг.

Тяжёлый. Изучающий. От него внутри всё сжималось в тугой узел — не страх, скорее предчувствие. Ксандра слишком хорошо помнила свои сны: лес, серебристый свет, его лицо, искажённое болью, и собственный голос, читающий древние строки. Но он ничего не помнил. Стефан сказал ясно: раскроешь правду — убьёшь. И она молчала. Уже третью неделю.

Сегодня он остановился.

Коридор у восточного крыла был пуст — только она и он. Чёрная форма без кителя, рукава рубашки закатаны до

локтей, волосы чуть растрёпаны, под глазами тени. Выглядел уставшим — Ксандра машинально отметила это цепким взглядом, который мать годами вбивала в неё под видом «уроков внимательности». Орана учила: «Усталый человек медленнее реагирует, но чаще ошибается в словах. Смотри на руки, на плечи, на то, как он дышит. Слова лгут — тело говорит правду». Плечи Дэмиона были напряжены, дыхание чуть глубже обычного — он явно готовился к разговору, которого сам не хотел начинать.

— Адептка Гросси, — произнёс он. Голос ровный, но Ксандра уловила лёгкую хрипотцу — не выпался.

— Господин ректор.

Она вытянулась по стойке «смирно», придерживая книги. Он не поправил её — просто смотрел. Смотрел так, что она чувствовала этот взгляд каждой клеткой, и внутри поднималась горячая волна, которую она изо всех сил пыталась заглушить.

— В моём кабинете. Сегодня. После отбоя.

— Есть.

Он развернулся и ушёл. Не добавил ни слова. А она стояла, глядя ему вслед, и сердце колотилось где-то в горле. «Почему сегодня? Почему после отбоя?» Вопросы жгли, но ответа не было. Мать говорила: «Если не понимаешь ситуацию — собирай факты и жди. Паника ещё никого не спасала».

Ксандра выдохнула и пошла на занятия.

Весь день она не могла сосредоточиться. На лекции по основам защитной магии отвечала невпопад, пока пожилой магистр с усталыми глазами не отправил её в лазарет: «Гросси, если вы не можете держать внимание — идите туда, где ваше внимание нужно больше». Она пошла. Но даже в лазарете, среди знакомых запахов трав и тишины, мысли возвращались к его голосу, к тому, как прозвучало это короткое «после отбоя».

Время тянулось медленно, но вечер наступил неизбежно. Ровно в десять Ксандра стояла у дверей восточной башни. Коридоры здесь были другими — шире, тише, с высокими потолками. Пахло старым деревом, воском и едва уловимо — кедром, дорогим табаком. Его запах. Она остановилась на мгновение, прижала ладонь к груди — там, под формой, теплел амулет. Мать учила: «Перед важным разговором проверь, что ты контролируешь тело. Дыхание ровное, плечи расправлены, взгляд прямой. Если ты выглядишь уверенно — ты уже наполовину победила». Ксандра выровняла дыхание и постучала.

— Войдите.

Покои ректора были просторными, но аскетичными. Массивный стол у окна, стеллажи с книгами до потолка, кресло у камина, на стенах — карты и схемы. Никаких украшений. Только порядок, дисциплина, функциональность. В углу — дверь в спальню, и Ксандра заставила себя не смотреть туда.

Дэмион стоял у камина спиной к ней. Белая рубашка, растёгнутая на две пуговицы, волосы влажные после мытья. Огонь отбрасывал тени на его лицо, делая черты резче, жёстче. Ксандра смотрела на его напряжённые плечи, на пальцы, сжимавшие каминную полку, и понимала: он тоже нервничает. Мать говорила: «Сжатые пальцы — признак сдерживаемого напряжения. Если человек держится за что-то, он пытается удержать себя». Чем вызвано его напряжение — она не знала, но сам факт отметила машинально, как учили.

— Вы пришли, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я обещала.

— Обещания редко выполняют.

Он повернулся. В серых глазах не было насмешки — только странная, почти пугающая серьёзность. И что-то ещё — глубокое, тёмное, что она не смогла распознать.

— Я не из тех, кто нарушает слово.

— Знаю. Поэтому вы здесь.

Он подошёл ближе. Ксандра чувствовала его тепло — даже сквозь форму, даже на расстоянии вытянутой руки. И что-то ещё — глухое, едва уловимое эхо его магии, которое отзывалось в ней слабой пульсацией где-то под сердцем. Связь. Та самая, что возникла в лесу. Стефан сказал: «Он не будет помнить, но будет чувствовать». И сейчас она виде-

ла этому подтверждение: Дэмион замер на полушаге, вглядываясь в неё так, будто пытался что-то ухватить ускользающее. Его ресницы дрогнули — едва заметно, на долю секунды. Обычный человек не заметил бы. Но Ксандра не была обычным человеком. Мать учила её читать язык тела, как открытую книгу. «Ресницы дрожат, когда человек сталкивается с чем-то, чего не может объяснить. Смотри на глаза — они всегда выдают то, что скрывают слова». В его зрачках мелькнуло что-то похожее на узнавание — и тут же исчезло, задавленное волевым усилием.

Он тоже это чувствовал. Не понимал, не осознавал — но чувствовал. Это открытие заставило сердце Ксандры сжаться. «Он ощущает эхо. Но не помнит».

— Ты боишься, — сказал он. Это был не вопрос.

— Немного.

— Хорошо. Бояться — нормально. Я не сделаю тебе больно. Обещаю.

Он протянул руку. Ксандра посмотрела на его ладонь — раскрытую, спокойную, без тени угрозы, — и вложила свою. Пальцы у него были тёплыми, сухими, на удивление бережными. Не сжал, не стиснул — просто держал, будто давая время передумать. Она не передумала. Тогда он повёл её к камину.

— Садись.

Она опустилась в кресло. Он сел напротив. Между ними — только огонь, потрескивающий в камине, и тишина, которая тянулась так долго, что воздух, казалось, можно было резать ножом. Ксандра чувствовала, как его взгляд скользит по её лицу — изучающий, напряжённый, будто он пытался разгадать загадку, которую сам не мог сформулировать.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил он наконец.

— Нет, господин ректор.

— Дэмион. Когда мы одни — просто Дэмион.

Она кивнула. От звука собственного имени, произнесённого его голосом, внутри разлилось странное тепло. Она не могла позволить себе расслабиться, но часть её — та, что помнила лес, — хотела верить ему.

— Я слышал о том, что происходит, — сказал он. — Изабелла Вэллмонт и её свита. Порезанный китель, насмешки за спиной, угрозы в коридорах.

— Я справлюсь.

— Знаю, — он посмотрел на неё внимательно. — Но я не хочу, чтобы ты справлялась в одиночку.

Ксандра напряглась. Мать учила: «Если тебе предлагают помощь — спроси, что потребуют взамен. Бесплатной защи-

ты не бывает». Она не произнесла этого вслух, но он будто прочитал её мысли.

— Я предлагаю сделку, — сказал он.

Слово повисло в воздухе. Сделка. Ксандра медленно выдохнула, заставляя себя сохранять спокойствие. Мать предупреждала: «Сделка — это всегда обмен. Отдаёшь что-то — получаешь что-то. Просчитай цену до того, как согласишься».

— Какую? — спросила она ровно.

— Ты станешь моей фавориткой.

Мир замер. Словно кто-то выключил звук — только треск огня и стук её собственного сердца. Фавориткой. Он предлагает ей статус. Официальную защиту. Покровительство младшего принца Империи. Взамен — она будет делить с ним постель. Он не сказал этого последнего вслух, но она поняла: это читалось в его позе, в напряжённых плечах, в том, как он сжал челюсть, произнеся слово «сделка». Ему самому было неловко — но он предлагал.

Ксандра почувствовала, как внутри поднимается горечь пополам с чем-то, чему она не знала названия. Он предлагал ей статус фаворитки, не зная, что она уже связана с ним накрепко. Что их судьбы переплелись в ту ночь в лесу. Что его тело помнило то, что забыл разум. Ей хотелось крикнуть ему правду — но она не могла. Стефан предупредил: скажешь правду — его разум расколется. Спасла — и убьёшь. Поэтому

му она заставила себя говорить спокойно.

— Зачем вам это?

— Чтобы защитить. Официальный статус даст неприкосновенность. Изабелла не посмеет тронуть ту, кто находится под личным покровительством младшего принца.

— А что взамен?

Он помолчал. Огонь трещал, отбрасывая тени на его лицо. Ксандра видела, как он сжал челюсть, как на мгновение закрыл глаза, будто собираясь с силами или подбирая слова. Мать учила: «Пауза перед ответом означает, что человек выбирает между правдой и тем, что тебе готовы сказать. Слушай внимательно — и ты узнаешь правду, даже если он солжёт».

— Взамен ты будешь делить со мной постель.

Он сказал это прямо. Без увиливаний, без притворной нежности. И в этой прямоте было что-то, что вызвало у Ксандры невольное уважение. Он не пытался притворяться. Он предлагал честный обмен.

Она смотрела на него и видела: он действительно считает, что это единственный выход. Он не знает, что она уже принадлежит ему — по древнему ритуалу, который связал их жизни в одну. Он думает, что это просто сделка: защита в обмен на близость. Но она-то знала правду. И от этого внутри всё переворачивалось.

— Вы предлагаете мне сделку, — произнесла она. — Но я не понимаю: почему я? В академии десятки адептов, которые с радостью согласились бы на ваше предложение. Почему вы выбрали простолюдинку?

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то, что она не смогла расшифровать.

— Потому что ты не такая, как они. Ты не боишься меня. И не пытаешься угодить. Мне нужна не игрушка, Ксандра. Мне нужен человек, которому я смогу доверять.

Она почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. «Доверять». Он сказал это так, будто слово далось ему с трудом. Будто он не привык доверять никому.

— А если я откажусь? — спросила она.

— Тогда через месяц тебя вышвырнут. Изабелла не остановится. Я видел такое сотни раз — талантливых адептов, которых ломали, потому что у них не было защиты. Без статуса ты уязвима. Со статусом — неприкосновенна.

Она знала, что он прав. Она знала, что Изабелла и её свита будут давить, пока не сломают её или не вынудят уйти. Она знала, что у неё нет другого выхода, если она хочет остаться в академии и научиться контролировать свой дар. Но она также знала, что, соглашаясь, она вступает в игру, правил которой до конца не понимает.

И всё же... когда она посмотрела на него — на его усталое лицо, на напряжённые плечи, на пальцы, что сжимали под-

локотники кресла с такой силой, будто он сам боялся её ответа, — она вдруг поняла: он тоже уязвим. Он тоже не знает, во что ввязывается. И где-то глубоко внутри он уже чувствует то, что она знает наверняка: эта связь — не просто сделка.

«Он переживает не меньше меня. Просто не показывает».

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна.

Он не удивился. Только кивнул. Но она заметила то, что не заметил бы никто другой: его кулаки медленно разжались, плечи чуть опустились — на сантиметр, не больше. Мать говорила: «Когда человек принимает важное решение, его тело реагирует раньше слов. Разжатые кулаки — знак облегчения, даже если лицо остаётся каменным». Он ждал её ответа и боялся, что она откажет. Это открытие поразило её.

— Завтра. Здесь. После отбоя.

— Я поняла.

Она поднялась. Колени дрожали, но она заставила себя стоять прямо — плечи расправлены, подбородок приподнят, взгляд твёрдый. Мать учила: «Никогда не показывай, что тебе страшно. Страх притягивает хищников». Она повернулась к выходу. У двери её нагнал его голос:

— Ксандра.

Она обернулась. Он стоял у камина, и пламя за его спиной рисовало вокруг него огненный ореол. Лицо в тени, но голос — мягче, чем прежде:

— Ты не пожалеешь. Я обещаю.

Она ничего не ответила — только коротко кивнула и вышла.

Дверь закрылась. В кабинете повисла тишина.

Дэмион смотрел на дверь, за которой она только что скрылась, и чувствовал, как внутри борются два чувства: облегчение от того, что она согласилась, — и глухая, сосущая тревога, которой он не мог найти объяснения.

Он повернулся к камину, упёрся рукой в полку и опустил голову. Её голос — тихий, дрожащий: «Я согласна», — всё ещё звучал в ушах. А следом — другое, смутное, как воспоминание о сне: её пальцы на его шраме, зелёные глаза, распахнутые в темноту, и собственное дыхание, сбитое, будто после долгого бега.

«Почему мне кажется, что это уже было?»

Он не нашёл ответа — только эхо в груди, странное и тёплое. И где-то на грани слышимости — далёкий, почти неразличимый шёпот, который преследовал его третью ночь подряд: «Я не могу ему рассказать... если он узнает... он сойдёт с ума...»

Дэмион выпрямился. Что ты скрываешь, Ксандра Гросси?

Ответа не было. Только треск углей в камине и холодная ночь за окном.

Коридор восточного крыла встретил Ксандру гулками шагами и холодом. Ночной кампус жил своей, скрытой жизнью: где-то вдалеке хлопнула дверь, простучали сапоги пат-

руля — размеренно, чётко, на четыре счёта, — и снова стихли. Из-за стрельчатого окна тянуло сыростью и запахом хвои — лес подступал к самым стенам академии, тёмный и молчаливый.

Она остановилась у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. Ночное небо было ясным, звёзды — колючими, точь-в-точь как в ту ночь в лесу. Она закрыла глаза, и перед внутренним взором снова вспыхнуло: его лицо — близко-близко, шёпот «Не отпускай», серебристый свет, бегущий по венам.

Она резко выдохнула — и только тогда заметила, что всё это время сжимала кулак. Пальцы занемели. Она разжала их и посмотрела на ладонь: четыре красных полумесяца от ногтей, глубоких, почти до крови. Мать говорила: «Тело помнит то, что разум пытается забыть. Уважай его язык — но не давай ему власти над собой».

Ксандра растёрла ладонь, разгоняя боль, и зашагала дальше. Шаги звучали гулко, но внутри постепенно наступала тишина — та самая, которую мать называла «тишиной перед боем». Она знала: завтра всё изменится. Но сегодня она всё ещё могла идти по пустому коридору, дышать ночным воздухом и делать вид, что её сердце не разрывается между страхом и надеждой.

В тени колонны мелькнула призрачная фигура. Стефан смотрел ей вслед и качал головой.

— Ты не должна была соглашаться, девочка. Но выбора у тебя не было. Как и у него.

Ксандра не остановилась — только чуть замедлила шаг.
— Я знаю, — ответила она тихо. — Но я не могла иначе.

Стефан ничего не сказал — только растворился в воздухе, оставив после себя лёгкий запах древности и пыли. Ксандра проводила его взглядом и пошла дальше.

В казарме было темно и тихо. Фрея спала, отвернувшись к стене, — только одеяло мерно вздымалось в такт дыханию. Ксандра бесшумно разделась, легла в кровать и натянула одеяло до подбородка. Сон не шёл. Она смотрела в потолок и слушала, как за окном перекликаются ночные птицы.

Завтра. Всё решится завтра.

Она закрыла глаза — и провалилась в темноту, где не было ни снов, ни голосов. Только тишина. И где-то на грани слышимости — далёкое, почти неразличимое эх

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.